

4. Степанская Т.М., Черняева И.В. Особенности региональной художественной жизни в России на рубеже XX–XXI столетий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 11/1 (73).

BIBLIOGRAPHY

1. Stepankaya T. M. The native language – spirituality and a basis of culture of each people M.V. Lomonosov and A.S. Pushkin about Russian//Cultural heritage of Siberia. No. 16. Barnaul, 2014.

2. Vistingauzen V.K. Alfred Aryevich Poznyakov: a contribution to culture (to the 80 anniversary since birth) // Cultural heritage of Siberia. No. 4 (22). 2017.

3. Bayzhanova S.Sh. Master of the art photo of Kazakhstan E.R. Niyazov (1940 — 2009) // World of science, culture, education. 2014. No. 2 (45).

4. Stepankaya T. M., Chernyaeva I.V. Features of regional art life in Russia at a turn of the XX–XXI centuries // Historical, philosophical, political and jurisprudence, cultural science and art criticism. Questions of the theory and practice. 2016. No11/1 (73).

УДК 75(571.15)

М.Г. Чурилов (Барнаул)

ЭТНИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ АЛТАЙСКИХ ХУДОЖНИКОВ 1990-х гг.

Рассматривается творчество неофициальных художников Барнаула 1990-х гг., работавших в области этники. Творчество Юрия Эсауленко, Александра Маркина, Елены Булатовой и художников их круга рассматривается как часть сибирской неоархаики. Приводятся примеры выставок и художественных работ.

Ключевые слова: искусство, Искусство Сибири, Сибирская неоархаика, Этника, Архаика.

M.G. Churilov, senior lecturer in the history of Russian and foreign art of the Altai state University (Barnaul)

ETHNIC MOTIFS IN THE WORKS ALTAI ARTISTS OF THE 1990s YEARS.

The article deals with the works of the informal artists of Barnaul 1990-ies worked in the field of ethnics. Creativity Yuri, Esaulenko, Alexandra Markina, Elena Bulatov and artists of their circle is seen as a part of the Siberian neo-archaism. Examples of exhibitions and artworks.

Keywords: art, Arts of Siberia, Siberian nearchaean, ethnic, Archaic.

Этника, фольклор, обычаи своего народа интересовали художников всех веков. И не только своих: египетская цивилизация захватила умы Франции после наполеоновских походов, японская гравюра повлияла на импрессионистов, в искусстве африканских народов искали вдохновение художники XX в. Но быть может, именно в XX в. и именно в поздней Советской России интерес к своей исключительности был как никогда высок. И в наше время глобализации этнические мотивы часто встречаются в творчестве художников.

В современном искусстве Сибири обращение к этнике столь велико, что искусствоведы стали использовать специальный термин – сибирская неоархаика. Однако в искусствоведческом терминологическом обороте используются и более привычные термины – этноархаика, археоарт, археоавангард. В альбоме с одноимённым названием «Сибирская неоархаика» (см.: Сибирская неоархаика : альбом / С. Ануфриев, Е. Дрохов, С. Дыков и др. Новосибирск, 2013) сибирский искусствовед В.Ф. Чирков говорит, что обращение к «этнике», «архаике» прослеживается уже в творчестве алтайских художников Г.И. Гуркина и Н.И. Чевалкова. Мы их условно можем назвать предшественниками современных художников, работающих в данном художественном направлении.

Соседние с Алтаем регионы представлены такими «этнохудожниками»: в Омске – Е.Д. Дорохов, в Новокузнецке – А.В. Суслов, в Красноярске – Н.И. Рыбаков, С.Е. Ануфриев и др.

На Алтае художниками, работающими с этномотивами являются Л.Н. Пастушкова (Барнаул), С.В. Дыков, В.Г. Тебеков (Горно-Алтайск). Они работают в искусстве по настоящее время, тема архаики не выпадает из творческих интересов художников, и они часто упоминаются (как правило, как ключевые фигуры) в научных изданиях и проектах сибир-

ской неоархаики: проекты «След» (Новокузнецк, 2000), «Внутренняя Азия» (Новосибирск, 2001), «Сибирский миф» (Омск, 2008) и др.

Но влияние этноархаики столь велико, что не может ограничиваться лишь несколькими художниками. К истокам, знакам и символам Горного Алтая обращаются многие ремесленники, в частности, мастера «Туриной горы» и прежде всего в керамике. Керамику, основанную на многих этнических орнаментах и формах, археологических находках, создаёт гончар В.В. Гычев.

В 90-е гг. XX в. ярко заявили о себе художники барнаульского андеграунда, ключевым для творчества неформальных художников было обращение к этнике. Ещё в конце 1980-х гг. в Барнауле появилось художественное объединение «Тихая мансарда», ядром которого был творческий тандем Александра Викторовича Маркина (1954–2014) и Юрия Михайловича Эсауленко (1967–2000). Если Александр Викторович был знатоком практически любого художественного ремесла, от лепки и обжигания фигурок в муфельной печи до изготовления корабликов в бутылках, то Юрий был способен к изобретательству и обладал способностью придумывать новые проекты и выставки.

Маркин, будучи практически наставником для своих более юных собратьев по объединению, снабжал молодёжь художественными материалами и разделял с ними свою мастерскую. Именно у него Юрий Михайлович увлекался книгами и альбомами с мифами, по культуре и искусству разных народов мира. Например, очень сильное влияние на него оказала книга Тура

Ю. Эсауленко, Е. Булатова.
Сотворение мира. 1990

Ю. Эсауленко.
Киммерийцы. 1990

Хейердала «Искусство острова Пасхи». Под впечатлением от данной книги появилось несколько картин, одна из которых – «Лодка с острова Пасхи» (ок. 1992). Впечатление от репродукций находок экспедиции Хейердала Эсауленко влетает в пейзаж в виде лодки на камнях в открытом море. В композиции участвует морская раковина – частый символ в картинах художника.

«Тихая мансарда», устраивавшая выставки практически каждый месяц начиная с апреля 1987 г., подошла к началу 1990-х гг. с более продуманными и концептуальными выставками. В мае 1990 г. в выставочном зале Алтайского государственного университета проходила выставка арт-этнография «Fish» (Рыба): графика, живопись, деревянные скульптуры рыб, инсталляции и кинетические скульптуры. На открытии (и в дни обычных посещений) музыканты и художники выбивали в барабаны и восточный смычковый инструмент рубаб ритмическую музыку. В керамический сосуд причудливой формы Эсауленко пускал дым, и он выходил из множества отверстий изделия наружу. Всё это публика, ещё не знавшая слово «перфоманс», будет долго вспоминать. По всей видимости, именно эта экспозиция была первым крупным проектом города, столь масштабно связанным с этникой.

В выставке приняли участие Александр Викторович Маркин, Юрий Эсауленко, Людмила (Люся) Базина, Алексей Чеканов, Елена Булатова и др.

На выставке особенно был отмечен «триптих» Эсауленко «Киммерийцы», «Пеликен» и «Африканские щиты (витражи)».

Картина «Киммерийцы» (кочевые доскифские племена) была вдохновлена исследованиями известного советского археолога Вячеслава Ивановича Молодина и хранящимися в музее археологии и этнографии АлтГУ наконечниками клевцов, боевых молотов древних воинов. Вторая картина изображает якутского бог счастья и радости Пеликена. Третья вдохновлена африканскими бубнами.

Помимо картин, интерес на выставке зрители проявляли к графической серии из 17 листов «Сотворение мира», созданной Юрием Эсауленко в соавторстве с Еленой Булатовой. Выполненная тушью на альбомных листах, серия представляет собой уникальную графику, дополненную стилизованным под сказание текстом мифа о происхождении мира. Эту и подобную графику художники тиражировали при помощи копировальной техники и дарили друзьям.

После выставки «Рыбы» последовали «За 1000 лет до мифологии», «Другие берега», «Лодка», «Этнография» и др. Каждая из них имела художественную концепцию, «завязанную» на этнике, и собирала большое количество зрителей.

Особо можно отметить выставку 1994 г. «Сны аборигенов». Это была совместная выставка Юрия Эсауленко и Елены Булатовой в выставочном зале Союза художников. Художники разработали для выставки приглашительные билеты, качественный буклет и афишу. Все работы, представленные в экспозиции, носили этнический характер. В буклете к выставке сообщается: «Идеи своих произведений оба художника находят в культурах неолита и раннего средневековья различных регионов Евразии, Африки, Полинезии и Америки, соединённых нитью „азиатского единства“». У Эсауленко это работы «Шахерезада (Шамаханская царица) (Скифская принцесса)», изображающая жену художника, «Охотники», на которой воины дождя идут на охоту, за спиной у старшего грызун, который остро, как собака, чувствует запах. Он вылезает из плетёной сумки и показывает охотникам, где добыча. А также диптих «Связь Времени. Бубен шамана» – встреча раскуривших благовония шаманов с обитателями параллельного мира.

Керамика Елены Булатовой на выставке совмещала традиции энеолита и постмодерна. Её часть выставки состояла из различных сосудов сложных форм.

Геннадий Леонидович Нехвидавичус, директор музея археологии и этнографии Алтая при АлтГУ, познакомил Маркина, Эсауленко и Булатову с эскизами татуировок, только что найденных на раскопках плато Укок археологом Молодиным. Татуировки относились к «звериному стилю». Каждая татуировка была символом, оберегом. Эсауленко и Булатова вдохновились эскизами в своей работе. Допустим, на бедре изображался олень, а на голени – сом. Когда человек шёл – возникал момент движения. Юрий и Елена пытались это повторить.

Для музея археологии и этнографии Маркин и Эсауленко зарисовали девушек татуировками, по эскизам и фотографиями расписанных моделей украсили фриз в открывающемся археологическом музее.

Начиная с перестройки, художники увлекались творчеством таких рок-групп, как «Аквариум», «Пикник», в музыке и оформлении пластинок которых использовалась также этническая символика. Практически в открытии каждой выставки участвовала барнаульская группа «Дядя Го», её музыканты увлекаются различными азиатскими музыкальными инструментами и мелодиями. Художники использовали руническое письмо тюрков, заинтересовались ювелирными украшениями.

Рубеж десятилетий подарил художникам энергию, которой хватило на множество интересных проектов. К середине 1990-х гг. Елена Булатова эмигрировала в Германию, Юрий Эсауленко в это время занимался частной галереей «Тёмная галерея» и руководил проектами, далёкими

от этники. Александр Викторович Маркин начинает работать в сфере садово-парковой скульптуры, занимается реконструкцией скульптурного изображения ирменской девушки по черепу, архитектурными проектами. К концу 1990-х гг. интерес к этнике у неофициальных художников гаснет, а вскоре и понятие «неофициальный, неформальный художник» уходит в прошлое.